

Глава 1: Пробуждение

В воздухе разлился горький, вяжущий аромат трав.

Жун Цзюнь с трудом разлепил веки. Прямо над ним, пристроившись на краю кровати, склонилась красавица. Её движения были полны нежности, когда она подносила к его губам чашу с лекарством.

Система: [Внимание: Яд!]

[Внимание: ЯД!!!]

Его словно током ударило. Он резко сел в постели. От такого «воскрешения» покойника все присутствующие вздрогнули.

Первой пришла в себя стоящая у кровати пожилая нянька. Она издала долгий, облегченный вздох, хотя её улыбка выглядела натянутой и вымученной:

— Ах, Сун, ты наконец-то очнулся. Сначала выпей лекарство.

Пока она говорила, подошедшая служанка протянула чашу. Глядя на темную, густую жижу, Жун Цзюнь почувствовал на себе пристальные взгляды нескольких пар глаз. Через пару секунд выражение его лица неумовимо изменилось.

— Голова... как болит голова...

Изображая классический припадок «внезапно очнувшегося больного», он вскинул руку к виску и с размаху заехал локтем по служанке. Темное варево расплескалось по полу. Перепуганная девушка инстинктивно вжала голову в плечи, глядя на хозяйку:

— Ма... матушка...

Та оборвала её резким окриком:

— Пошла вон! Даже лекарство подать нормально не можешь.

С этими словами женщина сама шагнула вперед. Когда зрение Жун Цзюня окончательно прояснилось, у него зарябило в глазах — матушка сияла, как новогодняя елка, увешанная жемчугом и нефритом. Белоснежная кожа, округлое лицо, полное наивного очарования... Но стоило ей отвести взгляд, как в глазах промелькнула холодная, расчетливая «мягкость».

Старая нянька тут же подхватила:

— Госпожа так за вас переживала, молодой господин, что даже от завтрака сегодня

отказалась.

Жун Цзюнь кивнул. О да, он видел, как она «переживала». Но наживку заглатывать не стал.

Госпожа, решив, что пасынок просто напуган, вздохнула:

— В этот раз ты натворил дел. Даже не знаю, как ты будешь объясняться с отцом.

Вопреки ожиданиям, юноша, который обычно до икоты боялся родителя, не проявил ни капли страха. Вообще никакой реакции. После затянувшегося молчания Жун Цзюнь задал свой первый вопрос:

— А что именно я совершил?

Мачеха окинула его странным взглядом, а нянька пояснила:

— Глава семьи уехал из столицы по делам и еще не вернулся.

Подтекст был ясен: «Отца нет дома, перед кем ты тут ломаешь комедию?»

Жун Цзюнь сохранил на лице выражение полной прострации. Видя это, госпожа соизволила уточнить эвфемизмом:

— Когда ты приставал к той простолюдинке на улице, тебя сбили с ног ударом локтя.

Остальные детали посыпались из уст няньки.

Если вкратце: оригинал этого тела был сыном Первого министра. Типичный мажор, который проводил дни в компании сомнительных дружков, вечно используя их как прикрытия для своих выходок, а те, в свою очередь, делали из него козла отпущения. В этот раз подстрекаемый «друзьями» он напился и полез к девице на улице. И надо же было такому случиться — он перепугал лошадей в экипаже Главного евнуха-распорядителя. Кони понесли и влетели напрямик в ресторан «Номер один в поднебесной» по соседству. В итоге вывеска ресторана рухнула.

А вывеска эта, на минуточку, была написана рукой покойного Императора. То есть, по факту, он уничтожил имперский дар.

Прикинув масштаб того самого «чудовищного преступления», Жун Цзюнь уточнил:

— Значит, меня казнят?

— Не казнят, — поправила мачеха. — Тебе дарована женитьба.

— Что-что даровано? — переспросил он, решив, что ослышался.

— Брак.

При упоминании свадьбы её голос приобрел странные нотки.

«Черт, значит, всё-таки казнят», — подумал Жун Цзюнь.

— И когда назначена эта «посмертная свадьба»? — серьезно спросил он. — И как давно мертва моя невеста?

«Он что, реально умом тронулся?» — мачеха уставилась на него во все глаза.

— Что касается разбитой вывески, твой отец уже отправил прошение с извинениями. К счастью, Его Величество не стал давить. Но вот с Главным распорядителем возникли проблемы.

Император лично создал Комитет Распорядителей, чтобы ограничить власть Первого министра. Нынешний глава комитета пользовался безграничным доверием, и даже политические тяжеловесы боялись его методов. «Боялись» — это еще мягко сказано. От этого монструозного ведомства всех трясло: в их застенках сгнуло немало министров и даже императорских родственников.

— Ты перепугал его лошадей. Если он закусит удила и не спустит это на тормозах, боюсь... Отец передал: если хочешь выйти сухим из воды, тебе нужна защита со стороны. Поэтому ты женишься на дочери великого наставника Су.

Жун Цзюнь заметил, как при этих словах пальцы мачехи нервно дернулись. В её голосе сквозило такое неприкрытое недовольство, будто она говорила о жабе, которая собралась полакомиться мясом лебедя. Он предположил, что партия, должно быть, просто блестящая.

Вспомнив репутацию оригинала, он засомневался:

— Дочь наставника... и она правда согласна на такого, как я? Она что, слепая?

— Дочь семьи Су слепа от рождения. Так что она «согласна».

— ...

Прояснив ситуацию, Жун Цзюнь немедленно выставил гостей за дверь, натянул одеяло на голову и отгородился от мира. Классическое поведение бездельника, убегающего от реальности. Нянька нахмурилась, собираясь что-то возразить, но госпожа остановила её жестом.

— Тогда отдыхай, — кажется, она и сама не горела желанием здесь оставаться.

В комнате воцарилась тишина. Убедившись, что все ушли, Жун Цзюнь лениво откинул свое

«свадебное покрывало».

— Коу-Коу, ты тут?

В пустой комнате раздался вялый голос.

Система: [Я одновременно и тут, и не тут. Я здесь, но еще не проснулась.]

— ...

Подтвердив наличие Системы, Жун Цзюнь немного расслабился. Это было спланированное, организованное переселение душ. Настоящий владелец тела был мертв. Тот, кто очнулся — всего лишь попаданец, который даже не унаследовал памяти предшественника.

Система под кодовым именем «Коу-Коу» позиционировала себя как выдающийся мыслитель, политик, педагог и историк современности. Чтобы заполнить пробелы в летописях, она искала напарников для путешествий во времени. Будучи ленивой по натуре, она всё же быстро вывела историческую справку:

[Династия: Поздняя Лян.]

[Император: Лян Гуан-ди, Чжао Шицян.]

[Личность реципиента: Сын правого министра, Жун Хэнсун.]

Увидев эти три строчки в голове, Жун Цзюнь горько усмехнулся:

— Коу-Коу, ты бесполезный исторический мусор. Какой толк от этих огрызков данных?

Чувствуя свою вину, Система «выползла» из его сознания.

Система: [Ладно-ладно, пойду послушаю, о чем сплетничают.]

Жун Цзюнь проводил её взглядом. Краем глаза он зацепил свое отражение в бронзовом зеркале. На него смотрело лицо, на 80-90% похожее на его собственное: «лисьи» глаза, полные природного обаяния, и черты, в которых угадывалась даже некая порочная красота.

Сходство внешности было нормой — мера предосторожности против «профессиональной деформации». Был один опытный попаданец, который столько раз менял личины, что забыл свое лицо и сошел с ума. Поэтому штаб старался подбирать похожие тела. Ходили слухи, что эти тела — их собственные прошлые жизни, оборвавшиеся неестественным путем. Жун Цзюнь в это не верил: по его опыту, характеры и судьбы владельцев тел отличались от его собственной как небо и земля. Просто сказочка для успокоения нервов сотрудников.

Лицо в зеркале было красивым, если бы не жуткий синяк — видимо, последствия того самого «удара локтем».

Система: [Кстати...]

Она вернулась на полпути, явно желая что-то добавить, но обнаружила, что Жун Цзюнь уже уснул, уткнувшись носом в подушку прямо перед зеркалом.

Система: «Твою мать, он еще ленивее меня».

Каждому перемещению требовался период адаптации. Жун Цзюнь проспал крепко, и к моменту возвращения Системы прошло два часа.

Система: [Слушай сюда, Сяо Жун. Я прослушала восемь сотен стен: хозяина поместья, слуг, прохожих и даже кур с утками на кухне... Вот обновленное досье.]

Жун Цзюнь, с растрепанными волосами, полулежал на мягких подушках. Бегло просмотрев данные, он вскинул бровь:

— Ничего себе семейка.

Оригинала звали Жун Хэнсун, он был сыном Правого министра Жун Чэнлиня. До брака у министра была тайная интрижка с подружкой детства, чья семья разорилась. Вскоре после официальной свадьбы эта подружка объявилась — и не одна, а глубоко беременная. Законная жена терпела это два года, после чего её терпение лопнуло, и она ушла в горы — жить при монастыре среди масляных ламп и статуй Будды.

Жун Чэнлинь был человеком, которого мало заботила репутация. Хотя его и критиковали, карьера после этого поперла в гору. А вот Жун Хэнсун вырос разочарованием. Творил дичь ежедневно, пользуясь влиянием отца. Со временем даже те крупницы сочувствия, что у людей к нему оставались, испарились.

— Твой «рожденный вне брака» старший братец сейчас в отъезде вместе с отцом.

— Это не брат был беременным... ай, забудь, — Жун Цзюню было лень её поправлять.

Система: [Оригинал был той еще дрянью, но с вероятностью 80% его целенаправленно растили никчемным. И причина смерти подозрительная — хроническое отравление. В той чаше с лекарством тоже была какая-то дрянь.]

Жун Цзюнь наконец соизволил сползти с кровати. Солнечный свет упал на его неестественно бледную кожу; даже просто стоя на месте, он излучал какую-то болезненную, мрачную ауру. Тело действительно разваливалось.

— Неудивительно, что у меня совсем нет сил.

Система: [Ерунда, ты такой каждый раз, когда надо работать.]

— И никто ничего не заметил?

Система: [Все думают, что его организм истощен вином и распутством.]

Система продолжала тараторить:

[На самом деле, тело травмили долго, и он... полнейший импотент. Именно поэтому он приставал к женщинам — не хотел, чтобы пошли слухи о его «скрытом недуге».]

Механический голос Системы вдруг стал бодрым и радостным:

[В общем, нам нужно только собрать крупички истории и можно сваливать. И угадай, какое задание в этот раз?]

Жун Цзюнь остался безразличен:

— Какое?

Система: [Нам просто нужно узнать, кто станет следующим Императором.]

Юноша мгновенно оживился:

— Серьезно?

Система: [Абсолютно. После правления нынешнего Чжао Шицяня в истории зияет огромная дыра. Если мы выясним, кто его свергнет, это будет прорыв.]

Снаружи внезапно стало шумно.

Система: [Когда я выходила, в поместье уже вовсю готовились к свадьбе. Ткань на ленты режут.]

— Это не ленты, это обрядовые украшения.

Несмотря на простоту миссии, старт был катастрофическим. Жун Цзюнь вздохнул. Отравление, семейные интриги, политический брак и заговоры — он собрал полное комбо.

Система: [Сяо Жун, я прогнала твою ситуацию через новейший ИИ. Положение — швах. Твоя мачеха заправляет домом. Судя по её поведению, она замешана в отравлении. Если сейчас её разоблачить, тебе никто не поверит, только накличешь беду.]

— А если втихую найти врача на стороне?

Система: [Яд редкий, обычный лекарь его не узнает. Плюс, твоя репутация в помойке. Даже если кто-то что-то заподозрит, решат, что ты сам пытаешься кого-то подставить. Свадьба — твой шанс выжить. Пережди бурю, собери данные, а потом инсценируй смерть и беги.]

До свадьбы оставалось несколько дней, и каждый из них мог стать последним. Если он не женится, Комитет Распорядителей использует инцидент с лошадьми как повод его прищучить.

Жун Цзюнь задумчиво коснулся резного изголовья кровати из розового дерева. Спустя долгое время он лениво произнес:

— Вообще-то, есть другой путь.

Система: [ИИ сказал, что есть только один...]

— ИИ забыл, что в сеттинге Древнего Китая нет полиции. Так что пойдём-ка извинимся перед Главным распорядителем. Без полиции искренние извинения творят чудеса.

Система: [?]

Жун Цзюнь небрежно поправил одежду. К своему удивлению, он обнаружил в ухе прокол — безвкусно и вычурно. Потирая мочку с любопытством, он прихватил кошель с деньгами и вышел за дверь.

Столица всегда была шумным местом, но под покровом процветания бурлили темные течения. Например, во многих богатых домах усилили охрану — в город просочились беженцы, и по ночам участились грабежи.

Стук копыт разрезал рыночный гул. Прохожие, увидев герб на экипаже, в ужасе бросались в рассыпную. Карета Комитета Распорядителей возвращалась из дворца привычным маршрутом. Внутри, прикрыв глаза, отдыхал мужчина средних лет. Преждевременная седина, волевое лицо, безупречная осанка. Он был неестественно бледен и гладко выбрит (у него не росла борода).

Сидящий слева подчиненный с мечом на поясе усмехнулся:

— Господин, министр Жун всерьез надеется выдать сына за девицу Су. Мечтать не вредно. Для свадьбы нужен живой жених, а этого повесу мы можем прибрать к рукам под любым предлогом.

Стоило ему договорить, как породистый конь испуганно заржал. Карета резко затормозила, оставляя глубокие борозды на мостовой. Ухмылка подчиненного исчезла. Он мгновенно обнажил меч, загрохавшая начальника, и выскочил наружу:

— Что случилось?!

Кучер в панике:

— Кто-то перегородил дорогу!

Кто посмел преградить им путь? Жить надоело?

Подчиненный поднял взгляд и увидел юношу, который вынырнул буквально из ниоткуда. Перед лицом враждебных взглядов тот вальяжно прошествовал вперед и остановился.

Офицер узнал это лицо — он видел его всего пару дней назад. Тот самый никчемный сынок министра Жуна, о чьем убийстве он только что рассуждал. Перед лицом грозных «распорядителей» Жун Цзюнь не выказал ни капли страха. Он чинно сложил руки в приветствии и поклонился карете:

— Несколько дней назад я невольно напугал лошадей Главного распорядителя. Сегодня я пришел специально, чтобы принести свои извинения.

Эта сцена привлекла толпу. Прохожие, держась на безопасном расстоянии, зашептались:

— Ой, это же сын министра Жуна!

— Да кто ж его не знает...

История с лошадьми наделала шуму, и простые люди в душе злорадствовали. Видеть, как обычно наглый мажор извиняется прямо посреди улицы, было истинным удовольствием. Министр и Главный распорядитель давно враждовали — было бы чудом, если бы его простили. В идеале этого паршивца должны были арестовать и отрубить голову.

И точно, подчиненный процедил сквозь зубы:

— Высокоставленный чиновник получил внутренние травмы от испуга. Думаешь, простое «простите» всё решит?

Жун Цзюнь моргнул. Внутренние травмы?

«А этот парень не промах. Вышел на развод, даже не потрудившись симулировать перелом».

Он кашлянул:

— Как говорится, кость срастается за сто дней, но внутренние травмы в... «сокровенных местах» могут остаться на всю жизнь...

Как только эти слова сорвались с его губ, лицо офицера окаменело, а взгляд стал убийственным. Толпа зевак начала стремительно рассасываться. Ходили слухи, что Главный распорядитель когда-то получил травму «в самом корне», став бесплодным, за что Император ему и доверял.

Кто бы мог подумать, что этот мальчишка решится на такую суицидальную дерзость? Если бы люди знали, что он начнет нести такую чушь, они бы и близко не подошли, чтобы не попасть под раздачу. Но не успели они скрыться за углом, как звонкий голос Жун Цзюня разнесся над площадью:

— Я ворочаюсь по ночам и не нахожу покоя. И есть лишь один способ искупить мою вину!

Жун Цзюнь сложил пальцы левой руки вертикально на правой ладони. Внезапно он согнул

костяшки. Этот странный жест заставил подчиненного напрячься — он ждал скрытого оружия. Используя два самых длинных пальца как «ноги», Жун Цзюнь заставил их «прошагать» по ладони, имитируя поклон на коленях, и выдал финал:

— Если милостивый господин не побрезгует мной... я, Сун, готов признать вас своим Крестным отцом!

Каждое слово прозвучало четко и ясно. На улице воцарилась гробовая тишина. Все присутствующие заподозрили у себя проблемы со слухом. Лишь легкий ветерок шевельнул занавеску кареты, приоткрыв пару глубоких, холодных глаз.

От автора:

Гид по чтению:

1. Тон повествования — древнекитайское легкое фэнтези о борьбе за власть. Основная линия — интриги вокруг трона. Контента в стиле «мир, дружба, жвачка» будет крайне мало.
2. Среди стратегов, верных главному герою, есть личности с весьма «ядовитыми» методами. Это команда далеко не святых людей.

<http://bllate.org/book/15777/1436276>